

ЗАПИСКИ АДВОКАТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я никогда не собирался писать подобное художественное произведение. Но волею судеб мне пришлось выступить в качестве защитника по делу Александра Солоника, одного из самых знаменитых и загадочных российских киллеров, обвиняемого в ряде заказных убийств криминальных авторитетов, а также работников милиции.

Попав после ареста в специальный корпус следственного изолятора «Матросская Тишина», А. Солоник не чувствовал себя в полной безопасности. Над ним «висело» — ни много ни мало — три смертных приговора: первый — судебный, второй — работников милиции за смерть своих коллег и третий — воров в законе за убийства криминальных авторитетов.

Реально оценивая ситуацию, Солоник разработал собственную систему безопасности, одним из элементов которой было ежедневное посещение его адвокатом.

Одни называют Солоника преступником и убийцей (хотя суда над ним не было), другие — Робин Гудом, выжигающим «криминальные язвы» общества. Но так или иначе Солоник — личность, способная на Поступки. Три его побега из мест заключения, вклю-

чая последний из «Матросской Тишины», сделали его легендой криминального мира.

Солонику посвящены многочисленные статьи в газетах и журналах, главы документальных книг, фильмы. Но кто может знать его лучше, чем его адвокат — единственный человек с воли, которому он доверил свою судьбу, а также завещал в случае смерти и свои воспоминания, записанные на аудиокассеты. Их мне передали в Греции, где при весьма загадочных обстоятельствах погиб Солоник.

Идея подобной книги впервые пришла Солонику во время следствия.

Вечером, накануне моего очередного посещения, по телевидению показывали какой-то остросюжетный детектив. И тут он, пренебрежительно отозвавшись о фильме, заметил, что если бы, мол, про него написали, то получился бы суперостросюжетный роман. Тогда я в шутку ответил — кто тебе мешает, сам и напиши... А он, помолчав, покачал головой — нет, это можно сделать только после его смерти, и уточнил: иначе прольется море крови, да и ему самому не жить.

Прошло время, события приняли стремительный оборот.

Понимая, что может не дожить до суда, Солоник совершает побег из «Матросской Тишины» и почти полтора года прячется за границей.

Моего напарника по этому делу, адвоката Алексея Завгороднего, вскоре после побега Солоника жестоко избивают у подъезда.

За мной начинается тотальная слежка. Мне устраивают два официальных допроса. Правоохранитель-

ные органы проводят обыск на моей квартире. От оперативников я получаю советы «беречь свое здоровье».

Зато в криминальном мире мой «авторитет» растет, круг моих «крутых клиентов» резко расширяется. После ряда публикаций в периодике за мной чуть ли не закрепляется кличка «адвокат киллеров», «адвокат мафии». Но жизнь продолжается. И каждый из нас, причастных к этому делу, живет своей жизнью.

Затем происходят новые непредсказуемые события: в конце января 1997 года мне неожиданно звонит Солоник и просит в случае его смерти опубликовать то, что записано им на пленку. Затем приходит известие о его гибели. Вскоре я еду в Грецию и знакомлюсь с этими записями.

Я до мелочей запомнил тот день, когда закрылся в номере греческой гостиницы и несколько дней в шоковом состоянии слушал исповедь Солоника.

Да, он был прав на сто процентов — прольется море крови, снова начнутся мафиозные разборки...

С другой стороны, мне, доверенному лицу Солоника, следовало выполнить его последнюю волю.

Поэтому я решился написать роман, изменив ряд имен и событий (чтобы не было больше крови).

Наверное, многие узнают иных персонажей этой книги, встретят знакомые эпизоды и события. Есть здесь и фрагменты моей биографии, отсюда подзаголовок: «Записки адвоката». И тем не менее я прошу считать эту книгу художественным произведением, ее содержание не может быть использовано на следствии или в суде.

Я благодарен экспертам, помогавшим мне работать над этой книгой, представителям правоохранительных органов, четко осуществлявшим свои должностные обязанности, братве, которая все «оценила с

пониманием», и тем, кто помог «не до конца», так как оказался в СИЗО и на зоне.

Отдельная благодарность — съемочной группе Центрального телевидения во главе с Олегом Вакуловским, автором документального фильма «Красавица и чудовище», снятого при моем участии в Греции.

«Солоник — киллер мафии» — первая книга из задуманного цикла. Написана и готовится к изданию вторая под названием «Киллер на экспорт».

Хочется верить, что эти книги найдут своего читателя.

ПРОЛОГ

Любой человек, впервые попавший на московскую улицу со странным названием Матросская Тишина, что в районе Сокольников, наверняка обратит внимание на комплекс мрачных сооружений, громоздящихся слева от набережной Яузы. Это — столичный следственный изолятор номер один, более известный под тем же названием, что и сама улица.

Знаменитый СИЗО «Матросская Тишина»... Толстые кирпичные стены, геометрически правильные проемы окон, забранные массивными решетками, высокий забор с глухими металлическими воротами. Проникнуть за эти стены можно лишь в качестве родственника, следователя или адвоката тех, кто содержится в следственном изоляторе. Ну и, конечно, в качестве задержанного. Их привозят в милицейском «воронке», почему-то именуемом на жаргоне обитателей тюрьмы «блондинкой».

В СИЗО несколько корпусов, но наиболее серьезным считается внутренний, девятый. До начала девяностых он относился к компетенции КГБ, и потому порядки в нем по-прежнему много жестче, чем в остальных.

Длинный, уходящий вдаль коридор, подвесные металлические перильца по бокам, потолок в метал-

лической сетке, телевизионные мониторы и десятки дверей в камеры, или, как чаще именуют их здесь, — «хаты». Такую картину видит всякий, проходящий по этажам, будь то коридорный, начальник корпуса и, конечно же, вызванный на допрос подследственный.

Именно такую картину и наблюдал второго июня 1995 года невысокий жилистый мужчина лет тридцати, с аккуратно подстриженной шкиперской бородкой. Его вели по галерее два сержанта внутренней службы. Первый шел впереди, второй — рядом с обладателем бородки, запястья их рук были соединены наручниками.

Длинные переходы, бесчисленные переборки, решетки, металлические двери камер, мерцающие обманчивой синевой экраны мониторов — на них видны все главные артерии следственного изолятора.

Переход, лестница, еще одна лестница, снова переход, коридор и — пришли.

Тот сержант, что двигался первым, приоткрыл дверь, заглянул в кабинет и, окинув взглядом напарника, привычно скомандовал:

— Веди!

Дверной проем был узок, и подследственного пришлось пропустить вперед. Следом за ним двинулся сопровождающий.

Лязг снимаемых наручников — впрочем, спустя несколько секунд их освобожденная от руки сержанта половинка пристегнута к столу, чтобы подследственный не мог вырваться. Еще минута — и «рексы» (так обычно именуют тут конвоиров) покинули кабинет.

Подследственный остался один на один с посетителем. Невысокий, интеллигентного вида, с аккуратно подстриженными усиками, с быстрыми, но точными движениями, он смотрел на него, как лечащий врач смотрит на безнадежного пациента, которому

уже не помогут ни лекарства, ни операция. Столь печально и понимающе не может смотреть ни ближайший родственник, ни «рекс», ни тем более следователь. Такой взгляд бывает лишь у опытного адвоката, понимающего всю безысходность ситуации...

Так оно и было на самом деле: посетитель СИЗО, сидящий за столом, действительно был защитником — единственным человеком, способным хоть чем-то помочь попавшему в эту тюрьму. А прикованный наручниками к столу невысокий жилистый мужчина со шкиперской бородкой соответственно был подследственным, но очень даже непростым подследственным...

Его имя наперебой склоняли газеты, оно почти ежедневно звучало с экранов телевизоров, на планерках РУОПа и МУРа, в камерах СИЗО и в фешенебельных апартаментах «новых русских». Число убийств, приписываемых этому человеку, множилось с каждым днем.

Имя его — Александр Солоник.

Оно внушало ужас многим: от седых, состарившихся на службе следователей прокуратуры до заматерелых на зонах и пересылках воров в законе; от не в меру борзых авторитетов новой формации, именуемых чаще «отморозками», до респектабельных, уверенных в себе и своей охране банкиров и бизнесменов. «Киллер номер один», «безжалостный наемный убийца мафии», «самая загадочная фигура современной криминальной истории России», наконец, «Александр Македонский» — так именовали сидевшего теперь перед Адвокатом человека, пристегнутого к столу наручниками...

Первым начал Адвокат.

Кашлянул, зашелестел пачкой сигарет и, закупив, произнес:

— Понимаешь, Саша, экспертиза установила, что

во время перестрелки на Петровско-Разумовском рынке все пули были выпущены из твоего пистолета. Одних только милицейских трупов — три. Сам понимаешь, против очевидного не пойдешь. Конечно, можно обратиться к прокурору, ходатайствовать о повторной экспертизе, но это наверняка будет расценено как затяжка времени.

Подследственный поморщился — он берег здоровье, не курил, и сигаретный дым всегда раздражал его. Удивительно, но слова об экспертизе, похоже, особо не взволновали Солоника. Взглянув на Адвоката, он ответил:

— Расстреливают у нас не более десяти процентов. А до расстрела... еще дожить надо.

Странно было слышать эти слова от подследственного, на которого повесили больше десятка убийств; последнее же замечание о том, что «до расстрела дожить надо», и вовсе заставило Адвоката вздрогнуть.

— Пойми, — он стряхнул сигаретный пепел, — мне ведь тебя защищать... Необходимо выработать тактику, стратегию, мне нужно знать — что признавать, а что ставить под сомнение.

Солоник вздохнул:

— Да ладно... Какое это теперь имеет значение?!

Они говорили, как и обычно, часа полтора. Удивительно, но подследственный, которому, несомненно, грозила высшая мера, выглядел куда более спокойным и уверенным, нежели защитник. Он улыбался, переводил разговор на какие-то пустяки — мол, хорошо бы снять фильм или написать книгу о его жизни.

Глядя на него, Адвокат невольно думал: так может вести себя человек, наверняка уверенный в своем будущем, или тот, кто уже со всем смирился, или, в конце концов, просто сумасшедший. На второго и третьего его клиент никак не походил...

А последние слова Александра Македонского прозвучали и вовсе странно. Перед тем как в кабинете появились конвойные, он, рассеянно улыбнувшись, произнес:

— Ну, до встречи... Впрочем, как знать: свидимся ли мы еще?!

Сидя за рулем своей «БМВ», Адвокат неторопливо катил по запруженным автомобилями улицам вечерней Москвы.

По соседним рядам Ленинского проспекта проносились автомобили, сигналили, толкались перед перекрестками, суетливо перестраиваясь из ряда в ряд; по грязным, мокрым тротуарам спешили озабоченные прохожие.

Настроение Адвоката было сумрачным и печальным: воскрешались события минувших месяцев, и ничего радостного для себя он в них не находил.

Наверное, правы те, кто утверждает: любое, даже мимолетное соприкосновение одного человека с другим налагает незримый отпечаток на обоих.

Со сколькими людьми, со сколькими судьбами приходилось соприкасаться ему, Адвокату?

Он не считал.

Он просто делал свою работу — мотался по тюрьмам, изучал дела, ловил следствие на проколах и подлогах, выступал на судах...

Но клиентов, подобных этому, в его практике еще не было.

Кто же он на самом деле, Александр Македонский? Наемный убийца организованной преступности? Рыцарь плаща и кинжала? Тайный агент какой-то законспирированной структуры?

Почти неслышно урчал двигатель, и этот звук навевал ощущение спокойствия и безопасности. «БМВ»

аккуратно перестраивалась из ряда в ряд, плавно останавливалась на светофорах, пропускала вперед других: у водителя не было ни сил, ни желания прибавить скорость.

А мысли по-прежнему вращались в привычном, накатанном русле.

Меньше чем полгода назад они впервые соприкоснулись. И теперь он, защитник самой загадочной в российской криминальной истории фигуры, обладает определенной информацией — не всей, конечно, но все-таки...

И рано или поздно информация эта выплеснется наружу — нет ничего тайного, что не стало бы явным. Адвокат знал это слишком хорошо...

Незаметно кончался еще один день в «Матросской Тишине» — пятое июня 1995 года. В неволе дни почти неотличимо похожи один на другой: подъем, баландер с завтраком, допросы, беседы с защитником, ну и еще прогулки, телевизор и газеты — единственная отдушина...

За полгода пребывания в следственном изоляторе таких дней у подследственного Александра Солоника набралось много, очень много. Но один, тот, что впереди, наверняка должен был стать последним. И он даже знал, какой именно...

Пусть в газетах о нем пишут полную ахинею, пусть тележурналисты в нелепых домыслах и предположениях противоречат сами себе, пусть следователи прокуратуры вешают на него все киллерские отстрелы, произошедшие в Москве за последние годы! Он один знает, кто он такой и какую работу выполняет; знает это точно и наверняка — так же, как и то, что последний день его пребывания в этих стенах — сегодняшний.

И, словно в подтверждение этих мыслей, дверь его «хаты» открылась — на пороге стоял коридорный, его человек...

— К прогулке готов? — несколько тише, чем обычно, спросил тот.

Обитатель камеры молча вскочил со шконки — он лежал в кроссовках и в спортивном костюме. Солоник знал: то, о чем он мечтал, к чему стремился, должно произойти через несколько минут...

Какая прогулка в половине первого ночи!

Осторожно подошел к дверному проему — «рекс» чуть посторонился, пропуская его вперед.

— Обожди... — коридорный сунул руку в карман, протянул заключенному какой-то темный предмет; в руку узника СИЗО привычно легла тяжелая рукоять пистолета.

Он вопросительно взглянул на коридорного.

— «Браунинг», — пояснил тот. — На крайний случай...

Сунув пистолет за пояс, Солоник наконец выглянул наружу. Коридор был пуст. Удивительно, но даже телевизионные мониторы не выдавали привычного мерцания. Первый пост, второй, третий...

Никого.

Минуты, прошедшие с момента выхода из камеры, казались часами. Коридоры, которым, как кажется, никогда не будет конца, посты, пролеты, лестницы, зловещие звуки шагов...

Вскоре оба остановились перед огромной бронированной дверью. Порывшись в карманах, «рекс» извлек набор отмычек. Амбарный замок в тяжелых ушках поддался без скрежета, так же, как и сама дверь — она плавно и беззвучно отъехала. За ней оказалась площадка, жаркая и пыльная, и лестница, уходящая наверх.

Опрокинутый над столицей купол июньского не-

ба, подкрашенный по краям неровным желтым заревом, выглядел ноздреватым и блеклым. Мелкие звезды сливались с электрическими огнями, и от этого зрелища на душе делалось тоскливо и тревожно.

— Быстрее, быстрее, давай... — нервно торопил коридорный.

Неожиданно он нырнул куда-то в сторону, в темноту, а вынырнув через мгновение, поставил на крышу большую спортивную сумку. Рванул замок-«молнию», извлек кусок брезента, бросил его на колючую проволоку.

— Давай же... — в голосе коридорного звучал неподдельный страх.

Первым полез Солоник, за ним — сопровождающий: сперва перекинул через колючку сумку, затем перелез сам. Александр Македонский взглянул вниз: ярко освещенная улица казалась совершенно пустынной...

В руках «рекса» появилась скрученная альпинистская веревка. Он торопливо разматал бут, щелкнул карабинчиком, пристегивая его к какой-то железяке рядом с собой. Пару раз дернул, проверяя на прочность. Убедившись, что все в порядке, бросил конец вниз.

— Ну, с богом!

Взявшись за веревку, беглец встал на край крыши и принялся медленно, осторожно спускаться. Он даже не догадался вытянуть ноги, и уже через пару секунд сильно ушибся коленями о стену, но боли не почувствовал.

Спускался долго: так, во всяком случае, показалось ему самому. Тонкая веревка острой бритвой резала ладони, ноги нелепо болтались, проваливаясь в зияющую пустоту, тело раскачивалось, как маятник...

Пятый этаж, четвертый, третий...

Справа — зарешеченные глазницы неосвещенных окон, над головой — сочащееся желтой сукровицей

небо, внизу — какие-то строения, медленно выплывающие из темноты.

Второй этаж — осталось несколько метров. Сейчас, сейчас, еще чуть-чуть — и можно прыгать вниз.

Прыжок — двухскатная металлическая крыша будочки запела, завибрировала под ногами. Солоник, потеряв равновесие, скатился вниз, но удивительно четко зафиксировал тело на ногах.

Неужели свершилось?!

Подняв голову, беглец увидел, как «рекс» перебрасывает свое тело через парапет крыши. Взялся за конец веревки, натянул, чтобы тому было проще спускаться. Ожидание длилось целую вечность — Солоник не считал, сколько времени прошло с того момента, когда он покинул камеру.

Да и кто бы на его месте вел отсчет времени?

А внизу их уже ждали: темный мертвый контур припаркованной неподалеку иномарки внезапно ожил, на мгновение мигнув фарами, и беглецы поняли — это за ними.

Спустя мгновение недавний узник спецкорпуса СИЗО и его помощник уже сидели в теплом темном салоне, а еще через несколько секунд машина, тихо заурчав двигателем, медленно покатила по ярко освещенной улице.

Ехали минут двадцать, потом свернули в какой-то дворик.

— Выходи и быстро в «Скорую», — последовала короткая и бесстрастная команда водителя, и по интонациям Солоник определил: команда эта относится исключительно к нему.

Слева действительно стоял реанимобиль, борт его белел на расплывчатом фоне серой стены, на матовых окнах виднелись кресты цвета сырого мяса.

Он подошел к задней дверце — она тотчас же от-

крылась, и из темноты к нему протянулись руки, втягивая в чрево реанимобиля.

— Быстро раздеться, лечь на носилки...

Беглец медлил, но невидимые спасители подгоняли его. Судя по интонациям, они нервничали не меньше его самого.

Шорох срываемой одежды, прикосновение простыни к обнаженному телу, сладковатая вонь кислородной маски, напыленной на лицо...

Над головой взывала сирена, и вскоре реанимобиль, отбрасывая на асфальт и стены домов тревожные синие проблески, растворился в ночи...

Машина с красным крестом, продолжая разбрасывать вокруг себя пронзительные всполохи, мчалась по московским улицам. На крыше то и дело завывала сирена, а в голове беглеца ржавым гвоздем засели привычные мысли.

Лишь один он, таинственный суперкиллер, знает, кем был все это время на самом деле и какую работу выполнял; лишь один он знает, кто стоит за ним; лишь один он знает, почему ему устроили этот побег... В конце концов, он — один из немногих, понимающих конечную цель появления на свет себя самого, но в новом облике — Александра Македонского.

Перед мысленным взором пронеслась длинная череда суматошных дней и событий безвозвратно миновавшего прошлого: что-то он, Александр Солоник, знал наверняка, о чем-то лишь догадывался, а о чем-то приходилось только предполагать.

Впрочем, за достоверность предположений никто не мог поручиться в точности, даже он сам...

ГЛАВА 1

15 мая 1988 года в 17 часов 34 минуты по московскому времени у офиса влиятельного коммерческого банка в самом центре Москвы остановился роскошный темно-синий «Мерседес» с тонированными антрацитно-черными стеклами. Вне сомнения, владелец машины был человеком серьезным, влиятельным и далеко не бедным — а значит, по теперешним неспокойным временам имел все основания опасаться за свою жизнь. Именно потому «Мерседес» внешне выглядел тяжеловато, что вообще характерно для бронированных машин. Позади вызывающе шикарного автомобиля катила скромная, неприметная в московской автомобильной сутолоке молочная «девятка» с вооруженной охраной.

Дверца автомобиля медленно открылась, и из него вышел тщательно причесанный вальжный господин: клубный пиджак с золотыми пуговицами, дорогой «Ролекс» на запястье, отливающая тусклым золотом заковка стодолларового галстука, самодовольное лицо, подчеркнутая уверенность движений — все это свидетельствовало о том, что посетитель банка — человек явно преуспевающий.

Обладатель клубного пиджака сделал водителю и охране привычный знак рукой: ждите тут, я ненадол-

го. Остановился, брезгливо поморщился, вдыхая пахнувший бензином и гудроном воздух, и, толкнув стеклянную дверь офиса, вошел внутрь.

Охране и водителю действительно не пришлось скучать: хозяин пробыл в банке совсем недолго — в 17 часов 52 минуты он уже возвратился. Выходил господин из офиса не один — рядом, подчеркнуто демонстрируя почтительность, семенил невысокий верткий молодой человек, по виду мелкий клерк. Он что-то доказывал визитеру, но тот, казалось, его не слушал, но механически кивал головой, поддакивал, а мыслями, видимо, был где-то далеко.

Не доходя нескольких метров до «Мерседеса», они остановились. Лицо молодого приобрело жалкое и просительное выражение — дескать, обождите хоть минуточку, я еще не все сказал.

Хозяин «Мерседеса» повернул к спутнику холерное лицо, но в этот момент нечто совершенно неожиданное заставило его резко обернуться в сторону...

Пронзительно скрипнули тормоза, и на противоположной стороне тихой улочки остановилась потрепанная зеленая «копейка» с номерным знаком, облепленным жидкой грязью. Стекло задней дверцы быстро опустилось, и оттуда мгновенно высунулся тупой ствол «калашникова» с пламегасителем. И тут же гулкая очередь пропорола обманчивую тишину спокойной московской улицы. Мужчина в клубном пиджаке нелепо взмахнул руками, словно хватаясь за воздух, но, отброшенный пулями, свалился на бетонные плиты. Несколько одиночных выстрелов — и молодой спутник уже лежал под передним колесом «Мерседеса» с простреленной головой.

Все произошло молниеносно. Охрана, не сориентировавшись в обстановке, так и не успела что-либо предпринять. Спустя несколько секунд со стороны зеленой «копейки» что-то протяжно ухнуло — с та-

ким звуком обычно стреляет армейский гранатомет. В белую «девятку» охранников ударил плотный огненный смерч, и машина сопровождения, перевернувшись набок, мгновенно загорелась.

Расправа заняла не более двадцати-тридцати секунд — в 17 часов 56 минут зеленая «копейка», взвизгнув по асфальту протекторами, набирая скорость, уже уносилась с места трагедии...

Пожилой мужчина явно начальственного экстерьера, взяв в руки пульт дистанционного управления, щелкнул кнопкой «стоп-кадра» — картинка горящей машины охраны застыла на огромном телеэкране.

Удивительно, но расстрел преуспевающего банкира и взрыв машины сопровождения, произошедшие вчера возле известного в Москве коммерческого банка, удалось случайно записать на видеопленку: сразу несколько скрытых камер наружного видеоконтроля бесстрастно фиксировали трагедию. Кадры эти и стали основными вещественными доказательствами.

Пожилой мужчина вновь перемотал кассету, в который раз сосредоточенно просматривая террористическую акцию. Нажимал на «стоп», фиксируя малейшие детали. Вновь перематывал пленку назад, сверял цифры минут и секунд, мерцающие в правом нижнем углу кадра. Казалось, он хотел найти что-то новое, то, что сразу не бросалось в глаза, но тем не менее способное пролить свет на то, что произошло. Ему хотелось рассмотреть исполнителей, но — тщетно.

Ничего нового: ничем не примечательная зеленая «копейка», ствол автомата, выглядевший в кадре немного смазанным, окровавленные бетонные плиты перед офисом, столб огня над молочной «девяткой»...

Щелчок кнопки дистанционного пульта — изо-

бражение, стянувшись в одну микроскопическую точку, исчезло.

— Явно профессионалы, — вздохнул пожилой мужчина и, повертев пульт в руках, положил его на телевизор. Затем неторопливо прошелся по кабинету, задумчиво изучая узор ковровой дорожки, ведущей от огромного стола к двери мореного дуба.

Дойдя до книжного шкафа, он мельком взглянул на собственное отражение в стекле. Хозяину кабинета обычно нравился собственный интеллигентный вид, более подходящий университетскому профессору, нежели ответственному государственному лицу, — и хорошо отточенная мягкость движений, и тонкие поджатые губы, и большие, хотя и глубоко посаженные глаза... Но теперь он выглядел слишком усталым и потому остался недовольным собой. Сердито отвернулся от собственного отражения и, пытаясь сосредоточиться, окинул взглядом привычную обстановку кабинета.

Над столом, покрытым зеленым сукном, с четырьмя телефонами и дорогим письменным прибором висел огромный портрет Дзержинского. На окнах — гофрированные белые занавески. Обстановку кабинета дополняли несгораемый шкаф у двери в комнату отдыха, машинка для уничтожения бумаг в углу, пара кресел, стулья... Неприязненно взглянув на Железного Феликса, хозяин всего этого казенного великолепия вновь вернулся к столу и погрузился в чтение служебных бумаг...

Сегодня у этого человека были все основания для скверного настроения. Неделью назад ему, генерал-майору, заместителю начальника Главка Центрального аппарата КГБ СССР было поручено составить подробный меморандум по общей картине организованной преступности и криминогенной ситуации и вынести резюме. Вообще-то структура, именуемая в

просторечии бессмысленно-пугающим словом «органы», в прежние времена, как правило, не занималась ничем подобным: для борьбы с преступностью существуют младшие братья из милиции. Но теперь самое высокое начальство пришло к выводу, что отечественный криминалитет, именуемый в последнее время модным заграничным словечком «мафия», превратился в столь серьезную силу, что стал угрожать самим основам государственности. Именно поэтому стратегические вопросы и были переданы в ведение структуры, отвечавшей за государственную безопасность. Были, конечно, и другие причины: в прессе, на телевидении и в Верховном Совете советских чекистов не ругал только ленивый — от бывшего коллеги, генерала Олега Калугина, до школьных уборщиц. Ничего не поделаешь, веяние времени, — к подобному следовало относиться как к стихийному бедствию. Правда, тут, на Лубянке, на здоровую и нездоровую критику реагировали весьма болезненно; накал общественных страстей мог спровоцировать соответствующие оргвыводы. И потому необходимо было во что бы то ни стало доказать общественную и государственную полезность «конторы» в ее теперешнем состоянии. Руководство Комитета схватилось за оргпреступность железной хваткой: это был реальный шанс сохранить штаты, размеры финансирования, поддержать пошатнувшийся авторитет «органов». А еще — изменить невыгодный имидж «душителей демократии», «тайной полиции» и «опричников» на более привлекательный — «неподкупных рыцарей по борьбе с мафией».

Многоопытные чекистские аналитики однозначно просчитали наиболее вероятный сценарий дальнейших событий: еще несколько лет — и лидеры этой самой отечественной мафии превратятся в одну из

самых влиятельных сил в стране, которая неотвратно катится в пучину бандитского беспредела.

Генерал-майору КГБ, известному на Лубянке под оперативным псевдонимом Координатор, предстояло изучить предоставленные референтурой совсекретные документы и видеозаписи (одну из которых он только что просматривал) и составить подробный меморандум на имя председателя Комитета.

Документы, видеозаписи и аналитические прогнозы изучались им долго и предельно тщательно. Чем подробней прояснялась общая картина, тем мрачней вырисовывалась ситуация. И не только будущая, но и сиюминутная. Не зря вся документация имела грифы «совершенно секретно» и «особой важности». Попади она в прессу — и вселенский скандал неминуем.

Казалось, бандиты имеют все: совершенную спецтехнику, транспорт, оружие, деньги, многочисленные связи среди коррумпированных сотрудников МВД и прокуратуры, наемных профессионалов, многие из которых, кстати говоря, переметнулись в криминальные структуры из «компетентных органов»...

Большинство серьезных преступлений, как правило, переходили в разряд «висяков» — явно заказные убийства, дерзкие «наезды» на бизнесменов, умышленное уничтожение материальных ценностей...

Но даже в редких случаях поимки бандитов посадить их весьма проблематично. Свидетели, если таковые и есть, грамотно запугиваются, вещдоки исчезают, продажные милицейские следователи профессионально разваливают дела, нищие судьи и прокуроры покупаются на корню, как и руководство Главного управления исправительно-трудовых учреждений. Зоны всех четырех режимов (общий, строгий, специальный и тюремный) давно уже превратились в школы профессиональной преступности: авторитеты криминального мира, попадавшие в места лишения сво-

боды из разных регионов страны, во время отсидки делятся опытом «работы», авторитеты умудряются руководить происходящими на «вольняшке» процессами и из-за колючей проволоки.

Черновик меморандума был почти составлен: картина получалась достаточно устрашающей. Но главного — резюме, то есть действительно серьезного рецепта борьбы, Координатор выдать так и не смог.

Ужесточить пенитенциарную систему?

Такое уже было в начале шестидесятых, когда Хрущев обещал раз и навсегда покончить с профессиональной преступностью. Тогда неподалеку от Соликамска была организована экспериментальная зона тюремного режима — и поныне печально известный «Белый Лебедь». Именно здесь выработалась практически безошибочная методика борьбы с так называемой отрицаловкой.

Блатные авторитеты из близлежащих лагерей свозились в несколько бараков, отгороженных от остальных и от промзоны. Естественно, паханы выбирали из своей среды самого грамотного и влиятельного. Едва только на зоне утверждалась власть пахана, как его тут же переводили в БУР, то есть в барак усиленного режима, а на его место тут же привозили другого пахана с другими «жуликами» и «торпедами» (так называется воровское окружение). После утверждения власти новоиспеченного главаря и его друзей помещали вместе со старым паханом и соответственно его друзьями. Как следствие, начиналась борьба за власть. Попытки массовых бунтов посредством засылки «малыв» в другие зоны и на этапы пресекались бесповоротно и на корню. После жестокого кровопролития между старым и новым паханом побеждал, по Дарвину, сильнейший, трупы хоронились на кладбище зоны, а в нее по этапу тем временем уже направляли очередного пахана со своими «торпедами»...

Координатор был совершенно уверен: то, что при социализме казалось стопроцентной панацеей, теперь, в начале девяностых годов, выглядело бы как минимум анахронизмом. Официальный курс Горбачева на «гуманизацию общества» и связанные с ней послабления системы уголовных наказаний, равно как и период «дикого капитализма» с пресловутым «первоначальным этапом накопления капитала», не способствовали возвращению к жестким коммунистическим нормам ГУЛАГа, а потому следовало изыскивать новые решения.

Проведение закона о свободном ношении оружия «для необходимой самообороны», как уже предлагалось в Верховном Совете?

В условиях свинцовых мерзостей российской действительности подобное — совершенная дикость: народ начнет стрелять друг друга в очередях и на коммунальных кухнях. К тому же новым законом, если бы он каким-то чудом был принят, воспользуются прежде всего далеко не самые законопослушные граждане.

Коренная реформа Уголовного кодекса, содержание осужденных по американской системе?

Тем более нереально: у государства нет столько денег, да и не предвидится в ближайшем будущем...

Хозяин кабинета, отложив чистый лист бумаги, пружинисто поднялся со своего места, подошел к окну, долго смотрел, как по стеклу беспорядочными траекториями сбегает дождевые капли.

Над центром Москвы зависла низкая грозовая туча, по Лубянской площади, пригибая головы от порывистого ветра, шли редкие прохожие. Им бы его заботы...

Повернувшись спиной к белым больничным занавескам на окнах, он закурил, задумался, покусывая

сигаретный фильтр, и вновь его взгляд невольно упал на портрет Дзержинского, висевший над столом.

Да, тогда, в романтические времена кровавого противостояния белых и красных, все было просто: «Губдезертир», расстреливающий без суда и следствия; ЧК, решающая любые вопросы с революционной непосредственностью, по законам военного времени; система заложников — «сто ваших за одного нашего»... Впрочем, считал Координатор, в те времена подобные методы целиком и полностью оправдали себя: бандитизм, захлестнувший РСФСР, был ликвидирован в несколько лет. Теперь же, чтобы посадить откровенного бандита, надо исписать горы бумаги, опросить свидетелей, провести десятки дорогостоящих экспертиз, разрушить хитроумные препоны, выставляемые адвокатами... Но тот же бандит через несколько лет все равно выйдет на свободу условно-досрочно или по амнистии, но уже куда более обремененный, опытный и коварный.

Страхивая с сигареты пепел, Координатор косился на казенный портрет и невольно поймал себя на мысли: наверное, неплохо было бы и вернуть некоторые методы родного ведомства, по крайней мере, внутри страны. Ведь ни для кого не секрет, что тот же Первый Главупр, занимавшийся преимущественно внешней разведкой, действовал и действует по формуле «цель оправдывает средства». У голубоглазых мальчиков и за границей длинные руки: внезапно наехавшей машиной по стенке размазать, током из неисправной розетки шарахнуть, отравленным зонтиком уколоть, в шахту лифта столкнуть, а то и авиакастрофу организовать.

Незаконно?

Антиконституционно?

А кто теперь может провести четкую грань между

законом и беззаконием? Да и в любом правиле есть исключения, примеров можно привести массу.

Тот же лидер французской Четвертой республики Пуанкаре, которого трудно обвинить в нелюбви к высоким идеалам гуманизма и демократии, однажды распорядился собрать всех парижских уголовников, вывезти их за город и запросто расстрелять.

А драконовские законы, принятые в некоторых латиноамериканских республиках, — пресловутые «эскадроны смерти»?

И относительно свежий пример — Южная Корея. Заместитель Координатора, переведенный к нему из Первого Главупра, некоторое время под видом торгового атташе проработал в Сеуле, и одним из самых сильных впечатлений была очистка столицы от уголовников. Все решилось не просто, а очень просто: Президент Чон Ду Хван, раздраженный медлительностью органов правопорядка и разгулом преступности, отдал категорический приказ: в три дня очистить город от бандитов. Что и было сделано — всех более или менее серьезных южнокорейских паханов развезли по полицейским участкам, после чего незамедлительно расстреляли. Резонанс был оглушительный; эффект получился не столько карательный, сколь назидательный. Во всяком случае, нынешний Сеул по криминогенности — одна из самых благополучных мировых столиц.

Расстрел без суда, а значит, нарушение презумпции невиновности, процессуальных формальностей и прочих конституционных прав?

Но зато сколь блестящим оказался конечный результат! Сколько жизней сберегла эта антигуманная акция, сколько проблем решила!

Наверное, это как раз тот вариант, когда цель оправдывает средства.

Координатор, резко затушив окурок, отошел от

окна. Теперь капли, попадающие на оцинкованный подоконник, не успокаивали, а раздражали. Кажется, хозяин кабинета понял, что является единственно правильным выходом. Мысли работали ясно и четко, нужные формулировки возникали сразу же, сами по себе — будто бы на автопилоте. Его охватило такое чувство, которое, наверное, должен испытывать летчик в ту самую секунду, когда тяжелый боевой самолет отрывается от бетонной полосы, а пилот чувствует всем естеством — лечу, лечу, все нормально! Сейчас вот только развернусь на цель, и...

Расслабил узел галстука, налил себе из термоса кофе, поставил перед собой чашечку и, рассеянно размешав серебряной ложечкой сахар, откинулся на спинку кресла. Безусловно — иного резюме, иного рецепта избавления общества от метастазов преступности, кроме грубого хирургического вмешательства, нет и быть не может.

Да, только физическое устранение всех этих воров, паханов и авторитетов — это, пожалуй, единственно правильный путь, единственно действенный способ наведения порядка в стране. Следствия, суды, зоны не решают проблему. Как когда-то сказал Максим Горький — «если враг не сдается, его уничтожают». А то, что враги сдаваться не собираются, более чем очевидно.

Расчистив стол от бумаг и отключив телефоны, Координатор принялся сочинять меморандум на высочайшее имя — документ сочинялся на принятом в этих стенах канцелярском новоязе, но он был уверен, что его поймут правильно.

Заканчивая черновик, хозяин кабинета прошепывал каждое слово, каждое выражение, и слова эти мелкими брызгами падали на финскую мелованную бумагу:

«...оргпреступность серьезно тормозит экономи-